

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-152-166

**ВОКРУГ РОМАНА «ПРОСЕЛОЧНЫЕ ДОРОГИ»:
ПЕРЕПИСКА Д. В. ГРИГОРОВИЧА И А. А. КРАЕВСКОГО 1850–1852 ГОДОВ***

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

© А. Е. КОЗЛОВА)

В начале 1850-х годов, завершив повесть «Неудачи» о жизни художников и быте рисовальных классов,¹ Д. В. Григорович начал работу над первым в своей литературной карьере крупным произведением. О его замысле знали М. М. Достоевский и А. А. Краевский, которому Григорович предложил опубликовать тогда только начатый роман. Изначально названный «Между проселочными дорогами», снабженный подзаголовком «роман без интриги», текст привлекал автора новизной идеи и самой возможностью отойти от очерков и рассказов из простонародного быта.

Несмотря на то что провинциальная жизнь нашла отражение во многих значимых предшествующих текстах: «Ревизор» и «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Записки одного молодого человека» и «Кто виноват?» А. И. Герцена, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова, «Тарантас» В. А. Соллогуба и др.,² — это казалось Григоровичу занимательным и новым. По-видимому, новизна заключалась не в фабуле (истории заносчивого провинциального помещика, который, проиграв губернские выборы, отказывается от своих амбиций и становится скромным семьянином), а в форме и композиции. Неслучайно одним из ориентиров для писателя выступают «Посмертные записки Пиквикского клуба» («The Posthumous Papers of the Pickwick Club», 1836–1837). Как известно, Ч. Диккенсу удалось создать произведение, близкое к его «Очеркам Воза» («Sketches by Voz», 1833–1836), однако выходящее далеко за пределы журнального фельетона. Викторянцы узнали в героях книги себя, и в скором времени «Записки» стали книгой, в которой специфические черты национального менталитета воспринимались в контексте общечеловеческой проблематики. Подзаголовок «роман без интриги», очевидно, связан с другой, не менее актуальной для читателя сороковых годов книгой — «Ярмаркой тщеславия» У. Теккерея («Vanity Fair: A Novel without a Hero», 1847–1848).³

В «Литературных воспоминаниях» Григорович так описывает свое намерение: «Мне давно хотелось попробовать свои силы в работе большего размера. Я набросал план пространного романа из провинциального быта, сообщил об этом письменно Краевскому и вскоре получил ответ с просьбой поместить роман в „Отечественных записках“, на что я охотно согласился.

Писать вторую часть романа в то время, как печатается первая часть, было для меня невозможно; одна мысль об этом парализовала мои способности, лишила меня

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта 21-78-00011 Российского научного фонда. — The research was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 21-78-00011.

¹ В письме к Краевскому Григорович так описывал замысел этой повести: «Главная мысль, заключающаяся в том, что часто на поприще искусства молодые люди с замечательным талантом пропадают от недостатка средств и поощрения, сохранилась теперь в полусвете. Оговорка в конце о благотворном обществе поощрения художников и отдаленное время, в которое происходит действие, т. е. первый год появления Брюллова в Петербурге, — скажут все. Если цензор запнется, укажите ему, пожалуйста, на эти два пункта. Любовная интрига (т. е. нравственное направление) разбавлена водою, точно так же как постоянный стыд героя за подлое и гнусное семейство, — чувство, которое было проведено прежде во всей повести. Теперь другой вопрос: буде повесть придется вам собственно не по вкусу, — возвратите ее мне, как можно скорее, — у меня есть для нее место, — а я взамен пришлю вам другие» (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 579–580).

² См. о провинциальном тексте русской литературы: Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства: материалы к словарю. Тверь, 2014; Lounsbury A. Life Is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Northern Illinois University Press, 2019.

³ Выполненные И. И. Введенским переводы обеих книг: «Замогильные записки Пиквикского клуба» и «Базар житейской суеты» — печатались в журнале А. А. Краевского в 1850 году.

той энергии, которая необходима, когда дело идет о большой, продолжительной работе. Я решил написать весь роман и печатать его не прежде, чем окончу последнюю главу. Я писал его более года, в течение зимы и лета не выезжая из деревни».⁴

Первоначально печатание романа не предвещало особых трудностей. Краевский безоговорочно принял все условия своего сотрудника (включая и те, что выходили за пределы обязанностей издателя: согласился выплачивать сверх писательского гонорара 120 рублей серебром ежемесячно — в течение срока, составляющего время пребывания Григоровича в Петербурге; снабжал деньгами А. П. Стефанову, приходившую от имени своего покровителя). Отвечая на письма Григоровича, издатель «Отечественных записок» высоко оценил первую часть произведения, поздравив его с тем, что он наконец-то вышел за пределы того узкого круга, который определяли рассказы из простонародного быта.

Письма свидетельствуют о прагматике, лежавшей в основе отношений адресата и адресанта: Григорович видел в Краевском, в первую очередь, *покупателя* своего романа, а потом уже компетентного *читателя*. Вероятно, по этой причине он регулярно ссылается на другие периодические издания, рассказывая о своих планах публиковать повести и очерки в «Современнике», «Москвитяине» и «Библиотеке для чтения». Краевский вынужден был принимать условия Григоровича (или, во всяком случае, делать вид, что он их принимает).

Понадеявшийся на свои силы и возможности, Григорович отказался от долгой и напряженной работы, связанной с переписыванием произведения по многу раз. Катастрофа произошла в августе 1851 года: тогда уже набранные к печати «Проселочные дороги» оказались «заподозренными», и печатание произведения пришлось приостановить. Григорович, пропустив несколько писем Краевского, узнал об этом обстоятельстве слишком поздно. Как он вспоминает в своих мемуарах, «с печатанием романа „Проселочные дороги“ вышла почти такая же история, как с повестью „Антон Горемыка“, — цензура остановила его после первой части; предлог на этот раз был тот, что дворянство выставлялось здесь в слишком карикатурном виде и этого допустить было невозможно. После долгих и неуспешных переговоров Краевского с цензором меня надоумили обратиться лично к Мусину-Пушкину, тогдашнему попечителю и управляющему цензурой. Мусин-Пушкин, человек мрачного и желчно-раздраженного вида, принял меня, однако ж, довольно милостиво. Убедившись, вероятно, из моих объяснений, насколько я был далек от намерения осмеивать русское дворянство, он согласился дозволить печатание романа, но с тем условием, чтобы я вставил страницу, в которой было бы сказано, что все лица романа принадлежат исключительно к поэтической вымыслу, не больше, как преувеличенная карикатура против существующей действительности».⁵ Страница была написана, приложена к тексту, и роман продолжал печататься».⁶

⁴ Григорович Д. В. Литературные воспоминания / Под ред. Г. Г. Елизаветиной. М., 1987. С. 67.

⁵ Вероятно, речь идет о следующем фрагменте романа: «Цель автора заключалась в том, чтобы провести читателя в самые глухие и отдаленные захолустья проселочных дорог, куда не успели еще проникнуть просвещение и образование. Многим покажется, вероятно, странным и даже невероятным, чтоб изображенные нами лица могли составлять в действительности одно общество. В самом деле, было бы отчего прийти в отчаяние, если б Васильковы, Кокуркины, Бобоховы, Дрянковы и пр., и пр. совокупно населяли одну и ту же местность. Горшковский уезд играет здесь роль вогнутого зеркала, к которому автор подводит фантастические лица, заслуживающие насмешку. <...> Благодаря просвещению, разливающему благодатные лучи по всему пространству нашего отечества и проникающему даже в самые отдаленные закоулки проселочных дорог, таких оригиналов у нас очень мало; но все же кой-где на них наталкиваешься, и цель нашего романа состоит в том, чтоб познакомить с ними читателя. Приглашая его смотреть на Горшковский уезд, как на панораму, составленную из самых исключительных типов, над которыми, право, подчас не грешно посмеяться, и не считая лишним заметить, что весь роман не что иное, как собрание забавных сцен, автор раскланивается на все стороны и продолжает свой рассказ...» (Григорович Д. В. Проселочные дороги. Роман без интриги // Отечественные записки. 1852. Т. 80. № 1. С. 129).

⁶ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 67–68. Этот факт подтверждают воспоминания А. Ф. Кони: «Подозрительное отношение к Григоровичу, вероятно, под влиянием

Неудача с цензором Петербургского цензурного комитета А. И. Фрейгангом, несмотря на протекцию председателя комитета М. Н. Мусина-Пушкина, отразилась на дальнейшем восприятии романа, появившегося в печати в 1852 году.⁷ Теперь Краевский избегает каких-либо оценок (сохранились не все письма, но, судя по ответам Григоровича, были и жалобы), а, завершая работу над четвертой частью, Григорович и сам был готов принести извинения. Он признает, что роман не удался, но возлагает надежды на будущие свои произведения.

Одновременно недовольство со стороны Григоровича вызвало то обстоятельство, что печатание «Проселочных дорог» растянулось на большее, чем он ожидал, время. Вероятно, этому есть двойное объяснение: в течение всей работы, жалуюсь то на прогрессирующую болезнь, едва не приведшую его к слепоте, то на разлив Оки, Григорович постоянно задерживал высылку рукописей и гранок, тем самым ставя издателя в безвыходное положение. С другой стороны, прохладный прием, оказанный «Проселочным дорогам» в толстых журналах,⁸ вынуждал издателя искать новые, привлекательные для публики произведения — каким и стала повесть или роман В. А. Вонлярлярского «Ночь на 28-е сентября». Второе произведение, освещающее мещанский и провинциальный быт, снижало эффект цельного впечатления, на который рассчитывал Григорович, конкурировало с его незаконченным романом. Несмотря на взаимное недовольство автора и издателя, оно не привело к разрыву или прекращению отношений. Обозреватель «Отечественных записок» в начале 1853 года пытался указать на сильные стороны романа, сочувственно описывая неудачу писателя: «Он хотел подражать „Пиквикскому клубу“ Диккенса, и представил нам ряд сцен из нашего быта, как Диккенс представил много сторон английского общества, воспользовавшись путешествием своего знаменитого археолога, но более привлекательного добряка — Пиквика. Может быть, оттого, что Григорович слишком понадеялся на юмор своей наблюдательности, может быть и оттого, что, читая роман г. Григоровича, часто вспоминаешь оригинал — Диккенса; может быть, и вследствие отсутствия завязки роман его не произвел того впечатления, которое должен был произвести по множеству верно подмеченных сторон нашей жизни и по многим характерам, верно задуманным и отчетливо исполненным. <...> Вся тяжесть и требовательность внимания читателя легли на умение автора создавать характеры, и при отсутствии быстрого действия и интриги, требования эти сделались гораздо строже; не довольствуясь тем, что во всех сценах много меткой наблюдательности, что сцены эти верны действительности, многие требовали постоянной художественной выработки характеров, чего не представил нам еще ни один русский роман, задуманный в таких больших размерах».⁹

После «Проселочных дорог» сотрудничество Краевского и Григоровича продолжится. В течение 1855–1856 годов он опубликует в «Отечественных записках» своих «Переселенцев», «окончательно упорчивших» его «литературное положение».¹⁰

Публикуемые далее письма, охватывая период с 1850 по 1852 год, позволяют составить представление о формировании замысла писателя и специфике отношений

запоздалого сознания значения его двух повестей продолжалось и в первой половине пятидесятых годов. Для пропуска его „Проселочных дорог“ — большого бытового романа с оригинальным отсутствием любовной интриги — ему было предъявлено требование вставить целую страницу с указанием на совершенно вымышленные им, а не почерпнутые из действительной жизни типы и обстоятельства» (*Кони А. Ф. Памяти Д. В. Григоровича // Кони А. Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989. С. 105*).

⁷ «Проселочные дороги» публиковались с января по июль 1852 года.

⁸ См. о восприятии романа в современной журналистике: *Лотман Л. М. Григорович. Роман из народной жизни // История русского романа: В 2 т. / Под ред. Г. М. Фридендера. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 439–443; Отрадин М. В. Творчество Д. В. Григоровича 1850-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; Мещеряков В. П. Григорович: писатель и искусствовед. М., 1985; Журавлева А. И., Некрасов В. Н. Григорович в русской литературе // Григорович Д. В. Соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 15–20.*

⁹ [Б. п.]. Русская литература в 1852-м году // *Отечественные записки. 1853. № 1. С. 19.*

¹⁰ *Григорович Д. В. Литературные воспоминания. С. 140.*

А. А. Краевского и Д. В. Григоровича, объединенных общим делом печатания «Проселочных дорог». Поскольку роман был признан неудавшимся и писателем, и читателями, он практически не переиздавался после смерти Григоровича и остается малоизученным. Публикация писем Григоровича и его патрона отчасти заполняет образовавшуюся в этом вопросе лауну.

Письма Д. В. Григоровича хранятся в фонде А. А. Краевского (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 542–543, 548–557, 560–561); письма А. А. Краевского — в фонде Д. В. Григоровича (РНБ. Ф. 222. № 10. Л. 1–19). Хронология писем Григоровича и присвоенная им архивная пагинация при этом не совпадают.¹¹ Письма печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Подчеркнутые в оригинале слова передаются курсивом.

Благодарю за помощь в расшифровке писем А. А. Краевского старшего научного сотрудника Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС Светлану Михайловну Волошину; за помощь в расшифровке писем Д. В. Григоровича — научного сотрудника ИТПМ СО РАН Светлану Алексеевну Вальгер.

1

<не позже ноября 1850 года>

Милостивый государь
Андрей Александрович,

Не стану говорить вам о том, насколько досадно и грустно было читать «Неудачи» — соболезнованием ровно ничего не сделаешь, прошлого не воротить, лучше поэтому говорить о настоящем.¹ Вы, вероятно, слышали от Достоевского, что я пишу новый роман.² В нем будет 4 части. Половина первой части уже написана, 4-я глава поступит даже на днях в сборник Щепкина.³ Весь роман окончится в июле. Смело скажу вам, что по сю пору ничего еще не писал лучшего. Все мы напрасно думаем, что в настоящее время трудно извернуться.⁴ По-моему, вся задача в том, какую дать форму и какой избрать предмет.

У меня являются на сцену исключительно одни помещики, приживальщики, экономки, но не с какой-нибудь непростительной стороны их земного бытия, — избави боже! — а попросту изображены физиологические черты и мелочи их повседневной жизни. Главная забота моя состоит в том, чтобы лица, освобожденные от всего гнусного, являлись однако ж забавными и по возможности национальными типами.⁵ Провинциальный быт получит в первый раз в этом романе художественную отделку и тем самым, мне кажется, вспыхнет яркими красками. Драмы и интриги не будет. Я взял форму, сходную с формой «Пиквикского клуба», — форма, как вам известно, самая невинная, но вместе с тем и самая выгодная для этого рода повестей. Если вам нужен будет роман мой, можете смело отказаться от всяких русских повестей на сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, ибо я распорядился так, что в каждой части будет у меня 8 печат<ных> листов. Зная, что такое исправность в деле издания журнала, — я не погрешу ни за что против того пункта. Роман будет готов в июле. В объявлении «Отечественных записок» можете, следовательно, смело печатать: «*Между проселочными дорогами*». Впрочем, думаю на днях быть в Петербурге и лучше переговорю с вами об этом с глазу на глаз. Вот еще какое обстоятельство, Андрей Александрович. Во время пребывания моего в Петербурге выдавайте мне, пожалуйста, каждое первое число месяца на прожитые 100 целковых, как это делал в былое время «Современник». Выдача продлится недолго, ибо в феврале я уеду обратно в деревню. Деньги же вместе с тем,

¹¹ Наиболее полное описание эпистолярного наследия Григоровича представлено в публикации: Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 5–79.

что я вам должен, облегчат сумму, которую должен <буду> получить за роман в 1851 году. Пожалуйста, согласитесь на такое предложение, и если да, то напишите мне скорее письмо в Москву. Мне здесь делать нечего, и я жду только вашего ответа, чтобы сесть в дилижанс.

Да вот еще: Щербина⁶ дает мне порядочную тетрадь своих стихотворений и представляет их на мою волю. Если вам нужны они, отвечайте скорее, потому что все эти стихотворения в моих руках, но он может взять их по случаю издания в Москве многого множества альманахов и сборников. Он думает теперь писать <в прозе?>, кажется, даже начал что-то, и не худо бы поговорить ему от вашего имени. Отвечайте же, пожалуйста, на все это и Бога ради скорее.

В ответ очень готов вам услужить.

Преданный Вам Григорович

Письменный адрес:

Его Высок<благородию> Болеславу Михайловичу Маркевичу,⁷ между Воздвиженской и Знаменской на Ваганьковском переулке. Дом Левашова, управляющему Московской аукционной коллегии — Григоровичу Дмитр<ию> Васильев<ичу>.

¹ Повесть Д. В. Григоровича была опубликована в сентябрьском номере журнала «Отечественные записки» (1850. № 9). В дальнейшем неоднократно переиздавалась под названием «Неудавшаяся жизнь» (см.: *Степина М. Ю.* К атрибуции «Рассказов о житейских глупостях» в некрасовском «Современнике» // Русская литература. 1995. № 2. С. 153–162).

² Достоевский Михаил Михайлович (1820–1864) — писатель и переводчик. Как и его брат Ф. М. Достоевский, был сотрудником «Отечественных записок», лично знакомым с А. А. Краевским. После ареста брата М. М. Достоевский продолжал общение с Григоровичем в 1850-е годы; в одном из писем он даже просит своего собеседника навестить его и «взять серебряных ложек» (см.: РНБ. Ф. 222. № 8. Л. 1) — что красноречиво свидетельствует о приятельских отношениях двух литераторов, имени которых Даровое и Дулебино находились в одном Зарайском уезде. Следует отметить, что публикация путевых очерков из цикла «Корабль „Ретвизан“» в журнале «Время» также согласовывалась с Михаилом Михайловичем, а не с его братом.

³ Вероятно, речь идет о литературном сборнике Н. М. Щепкина и К. Т. Солдатенкова «Комета» (1851; ценз. разрешение: 11 ноября 1850 года). Обещанный фрагмент романа так и не был там напечатан.

⁴ Имеется в виду ужесточение цензурных правил, последовавшее после ареста петрашевцев, в период, вошедший в историю как время «мрачного семилетия».

⁵ С начала 1850-х годов усиливаются упреки критики в сторону произведений Д. В. Григоровича как искажающих дух народного «первообраза».

⁶ Щербина Николай Федорович (1821–1869) — поэт и переводчик. Как и Григорович, сотрудничал с различными изданиями: «Москвитянином», «Современником» и «Отечественными записками», не делая исключения для какого-либо из них и позиционируя себя как сторонник «чистого искусства». В 1850 году Щербина получил место помощника редактора газеты «Московские губернские ведомости».

⁷ Маркевич Болеслав Маркович (1822–1884) — критик и беллетрист консервативного толка. Занимал в Москве должность присутствующего в аукционной камере и чиновника особых поручений при военном генерал-губернаторе А. А. Закревском. Интересуясь театром и вопросами эстетики, входил в общий с А. В. Дружининым и И. С. Тургеневым круг: «Болеслав, несомненно, умный человек, а кроме того, его лицо живо напоминает мне брата, — я к таким мелочам довольно чувствителен» (*Дружинин А. В.* Дневник / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 231 (сер. «Литературные памятники»)).

2

9 декабря 1850 <года;> Санкт-Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Васильевич,

Только что получил Ваше письмо, спешу отвечать на него в коротких словах, чтобы не опоздать на почту. Совершенно соглашаюсь на все ваши условия, т. е. 1) отка-

заться от печатания всех повестей на сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь, предоставив в эти месяцы место вашему роману; 2) во время вашего пребывания в Петербурге нынешнею зимою выдавать вам в первое число каждого месяца по 120 р. сер<ебром>. С моей стороны покорнейшая просьба — помнить сроки и держать *слово твердо*, как говаривали старики. А главное — не разглашать о нашем взаимном условии и даже о том, что у вас пишется роман. Иначе, вы знаете здешних комеражистов... я больше смерти боюсь комеражей,¹ к которым здесь много охотников.

Душевно сожалею, что в объявлении не мог назвать вашего романа: объявление об издании «О<течественных> З<аписок>» в 1851 году разошлось уже в числе 15,000 экз. по всей России. Что бы вам пораньше меня уведомить о своем намерении!

Вы очень обязали бы меня, если бы привезли или прислали всю тетрадь стихотворений г. Щербины, не соря ими в Москве, а равно как упростили бы г. Щербину считать «От<ечественные> Записки» родственным ему журналом, которому он может отдавать все, что ни напишет в стихах и прозе. Я в нем вижу большой талант и глубоко уважаю его. Пожалуйста, познакомьте меня с ним.

Вполне разделяю ваше мнение, касательно возможности и при теперешних обстоятельствах изворачиваться в романах и повестях, как изворачиваемся и мы в хрониках и рецензиях. Одни только лентяи втайне радуются затруднениям и опускают руки. Да притом эта лень для меня всегда становилась признаком если не бесталанности, то слабости, ограниченности таланта. Сильный талант пронизывает паутину, мелкий вязнет в ней. Пример — Тургенев: уж его ли не урезают и не перерезывают, а он все-таки продолжает и перед отъездом своим в Москву еще-таки написал прекрасную комедиюку...² Но скоро два часа, я опоздаю на почту.

Жму вам руку. До скорого свидания в Петербурге.

Ваш Краевский

¹ От *comméragé* (фр.) — светское злословие, сплетни, пересуды (*устар.*). Комеражист — тот, кто распространяет эти слухи. А. А. Краевский, очевидно, не намерен был уступать роман Григоровича другим изданиям и особенно «Современнику».

² Одноактная комедия И. С. Тургенева «Провинциалка» была опубликована Краевским в начале следующего года (Отечественные записки. 1851. № 1–2).

3

16 апреля 1851 <года; с.> Дулебино

Милостивый государь
Андрей Александрович,

С тех пор как я уехал из Петербурга, много утекло воды, но зато много, и даже очень много, ушел вперед мой роман. Время не пропадало даром. Вот уже кончил вторую часть. Скажу вам, однако ж, что как ни радует меня это обстоятельство, но, тем не менее, ставит оно меня в затруднительное положение. Я предполагал, соображаясь с планом, поместить 10 глав в каждой части, но что прикажете делать с борзописанием,¹ так разохотился, что вышло 17 глав одной первой части. Теперь не знаю, как быть: эти 17 глав разделить трудно, почти невозможно, и между тем, они займут верных 15 листов печатных, что неудобно для одной книжки журнала, особенно при тридцати листах теперешних.

Если ничего, то и слава Богу. Во второй части меньше глав и меньше листов. Что же касается до достоинства написанного мною романа, — то не уступит хорошим повестям любого из нас, т. е. молодых, хотя форма его и самый предмет совершенно нов и не подходит ни к одной повести из провинциального быта. Весь эффект рассчитан на этой новизне. Я признаюсь, не думал прежде, что останусь им так доволен, впрочем, так всегда бывает с теми из нас, которые работают без усталости и любят свое дело не из

одних карманных расчетов. Этот роман должен закрепить меня окончательно в литературе, и я употреблю на него все свои силы. «Современник», конечно, запоет вечную свою песню о том, что я лучше пишу повести из крестьянского быта, упирая на повесть, которую им дам будущую зиму.² Но дело в том, что повесть будет дана не иначе, как если они не ограничатся общими фразами и скажут о романе беспристрастное и отнюдь не зазорное мнение. Мысль о неспособности моей писать повести принадлежит Белинскому, который, впрочем, отрекся в моих глазах от своего мнения после «Антон Горемыки».³ Я приготовлю им повесть к ноябрю. Прислал бы вам теперь первую часть, но хочется прочесть и выправить в то же время, как буду писать третью. В июне, как условлено было, получите обе первые части. Письмо о том, что нет личностей, пришлось к этому времени. Итак, если можно вам 15 листов в одну книжку, скажите; тогда я разобью роман на 3 части и начнем печатать к октябрю, — если же нет, постараясь как-нибудь извернуться, убавлю что ли главу, или прибавлю, — и начнем печатать к 1-му сентября вплоть до 1-го декабря. Старался устроить по возможности так, чтобы цензуре не за что было уцепиться; да, кстати, какова-то цензура, и есть ли впредь надежда хоть какая-нибудь на снисхождение? Да, вот еще что, Андрей Александрович, к вам на днях завернет М-лле Стефанова⁴ (отношения мои с нею вам известны), ссудите ее пятьюдесятью целковыми, а то очень нуждается в деньгах. Расписку о получении я посылаю с письмом. Мне бы не хотелось, да и неловко было бы идти ей к Ба<рген?>еву.⁵ Жду от вас письма. Прощайте, будьте здоровы, желаю вам доброго, ведренного лета и веселой дачи.

Весь ваш
Д. Григорович

¹ Слово из поэтического языка Н. Ф. Щербины, используется в его «Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому». Песня зафиксирована в записной книжке Григоровича, фрагменты которой публиковались после смерти писателя (Из записной книжки Д. В. Григоровича // Литературные приложения к «Ниве». СПб., 1901. № 11. С. 380).

² В 1852 году в «Современнике» был опубликован рассказ «Смедовская долина» (Современник. 1852. № 2. С. 89–107).

³ В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинский писал: «„Антон-Горемыка“ — больше, чем повесть: это роман, в котором все верно основной идее, все относится к ней, завязка и развязка свободно выходят из самой сущности дела. Несмотря на то, что внешняя сторона рассказа вся вертится на пропаже мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антон — мужик простой, вовсе не из бойких и хитрых, он лицо трагическое, в полном значении этого слова. Эта повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные. Желаем от всей души, чтобы г. Григорович продолжал идти по этой дороге, на которой от его таланта можно ожидать так много...» (Современник. 1848. № 3. С. 138–139).

⁴ Стефанова Александра Петровна — близкая знакомая Д. В. Григоровича, по-видимому, содержанка. «Во вторник произошла штука, обнаруживающая то, что прежде называли симпатиею сердец. Я заехал по условию к Григоровичу, для того чтоб познакомиться с Стефановой и ехать на обед с доннами, — но не застал никого», — писал А. В. Дружинин (Дружинин А. В. Дневник. С. 301). Годы ее жизни и род деятельности неизвестны, однако в письмах И. И. Панаеву сохранилось следующее красноречивое признание: «Или она действительно замечательная девочка, или в то время воображение мое было уже так настроено, но я увлечен был ею, как не увлекался в последние 10 лет. Вы не поверите, как я обрадовался, когда попал уже в деревню. Меня в Петер<бурге> точно, право, обошел какой-то леший во образе Приапа. <...> Вам и Дружинину это ничего, ибо вы попилите да и отстанете, — а для меня такие особы опасны, ибо я к ним тотчас же привязываюсь» (цит. по: Письма Д. В. Григоровича к И. И. Панаеву // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 80).

⁵ Бартнев Юрий Никитич (1792–1866) — отставной чиновник, писатель. В 1850 году М. П. Погодин и Д. В. Григорович заключили соглашение об издании сочинений Григоровича. После многочисленных проволочек Погодин передал права на издание Бартневу. Издание этого собрания сочинений так и не состоялось — Григорович был вынужден вернуть все деньги, полученные им в качестве аванса (см.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15. С. 423; Капелюш Б. Н. Рукописи и переписка Д. В. Григоровича. Научное описание // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 87).

30 мая 1851 <года;> Царское село

Собирался я писать к вам, Дмитрий Васильевич, целый месяц, а собрался только теперь. Впрочем, вслед за вашим письмом, была у меня г-жа Стефанова (которой я, по глаголу вашему, выдал 50 сер<ебром>) и сказала, что будет писать к вам тотчас же, я и попросил ее написать мой ответ, но не знаю, толково ли я объяснил ей дело. А дело вот в чем: 15-ть листов поместить в одной книжке не вижу никакой возможности. Да и зачем это? Разве нельзя разбить первую часть на две книжки? Публика уже так привыкла к этому, что не вознегодует, будьте уверены. Начать же печатать надо непременно с 9-й книжки. Я уже и все распоряжения делаю в этом смысле, т. е. отказал одному господину в помещении его трехчастного романа с сентября и попросил другого отложить писание романа по присланной мною программе. Все это уладил я в полной надежде, что последние четыре книжки нынешнего года будут заняты вашим романом. Следовательно... и прочее (как выражается Погодин).¹ Что роман будет хорош, в этом я не сомневаюсь, потому более, что вы сами отрицаете мнение об исключительной якобы способности вашей писать повести из крестьянского быта. Не люблю я этих повестей — грешный человек, хоть и знаю, что вы были бы способны написать хорошую повесть в этом роде. При настоящем положении дел эти повести должны быть идеализированы в пошлом значении слова, т. е. нарумянены, переслащены, благоуханны, — а вы сами знаете, много ли сладкого, а тем более благоуханного в жизни русского мужика! Следовательно, вам приходится лгать, творить против собственного убеждения, писать картинки и портреты, каковым вы сами не верите. А нет ничего досаднее и оскорбительнее лжи в художественном произведении. Скорее можно согласиться, чтоб оно написано было грубо, самым варварским языком, но чтоб было искренно, не лживо. Вот почему — бог с ними, с вашими «Прохожими» и «Воскресениями»!² Не нравятся они мне — хоть сердитесь, хоть нет! Мне давно казалось, что таланту вашему следовало выбрать себе другую дорогу. Удалась «Деревня» — и довольно; больше тут нечего делать, на этом поле. Если вы хорошо узнали русского человека в зипуне, то наверно уже хорошо знаете его и в сибирке, и в вицмундире, и в собольей шубе: пора приняться за эти костюмы, сколько возможность позволяет, а зипун и курную избу можно оставить до удобнейшего времени... Тогда, без всякого сомнения, ваши повести из крестьянского быта — да из настоящего крестьянского, со всеми его красками, со всем его духом — будут иметь великое значение, а теперь... зачем лгать?

Всю эту речь клоню я к тому, чтоб вы не смотрели на мнение тех господ, которые говорят вам обратное. У них, может быть, свои цели, свои побуждения, которые, может быть, окажутся очень гадкими, если пораскопать их. Повторяю: душевно рад, что вы не держитесь их мнения о самом себе.

Итак, в июне я жду первую часть романа. Пожалуйста, не запоздайте. Надо еще прочесть; придется, может быть, потолковать с цензором, поторговаться, а там, в августе, вы, вероятно, и сами приедете. Бога ради, не забудьте прислать для цензора план всего романа и письмо о безличности его. Это необходимо. Цензура все такая же, как была. Обещают каждый день улучшение, смягчение, но пока ничего не видно.

Я живу в Царском селе и 20 мая был обсыпан снегом. Очень приятное время!
Прощайте. Желаю вам быть радостным и не лениться.

Ваш весь
Краевский

¹ Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, литератор, профессор Московского университета, издатель «Москвитянина». В 1846 году были опубликованы его «Исследования, замечания и лекции о русской истории», вызвавшие полемику в периодике, в том числе в «Отечественных записках». Оппонент Погодина, историк, юрист и публицист Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) писал в критическом отзыве о спекуляциях автора «Исследований»: «И проч. не должно сбивать нас: между прочими нет ни одного города, поименованного в договоре» (Отечественные

записки. 1847. № 2. С. 57). Таким образом, употребление Краевским слов «и прочее» носит иронический характер, в то же время оно ориентирует собеседника на разговор о «Москвитянине».

² Святочные рассказы Д. В. Григоровича «Прохожий» и «Светлое Христово Воскресение» публиковались в «Москвитянине».

5

6 июля 1851 <года; с.> Дулебино

Вместе с этим письмом получите и первую часть моего романа, почтенный Андрей Александрович. Раньше я не мог этого сделать, и причина заключается в том, что чуть было не ослеп. Опасаясь остаться в таком положении долгое время, я уже решил не посылать вам первой части, раздумывая, чтобы не вышло каких-нибудь недоразумений с четвертою частью, которую далеко еще не кончил. Но теперь, слава богу, все прошло, и я снова сел за работу. Июнь-месяц прошел в совершенном бездействии, все это сделало то, что я, очевидно, не успею кончить романа в деревне и принужден буду засесть в Петербурге. Ручаюсь, однако ж, что ни под каким видом и предлогом не задержу печатание. Слепота моя не дала мне возможности прочитать второй раз первой части, т. е. проследить с подобающим вниманием запятые, но тут беды еще нет большой; я уверен даже, что корректор это исполнит лучше меня. В первом чтении я следил только за тщательною отделкою моих героев, и в этом отношении сделал все, что мог. Бога ради, Андрей Александрович, не исправляйте ничего (кроме слога, разумеется, тут делайте то, что заблагорассудится вам); дайте полную волю цензуре. В этом замечании авторское самолюбие не играет ровно никакой роли; дело в том, что малейшая черта, выброшенная из первой части без моего ведома, может весьма легко уничтожить смысл некоторых мест в последующих частях и особенно может сбить меня с толку в четвертой части, где, как известно, приводится все к одному общему знаменателю.

Если поправки найдены будут необходимыми вами или цензурой, — 15 августа сам приеду, и тогда, сообщая со мной, мы переклеим, все что можно. По той же самой причине прошу вас не переменять заглавие «Проселочные дороги», в случае необходимости сам придумаю другое название. Желая от души, чтобы роман вам понравился. Я плохой судья своих собственных произведений, скажу только, что роман не лишен веселости и представлен в совершенно новой форме, которая не напоминает повести и романы, наводнившие наши журналы в последнее время. Письмо для цензуры (которое вы найдете в первых листах первой части),¹ объясняет достаточно смысл и содержание романа. Не пугайтесь за добродетель жены моего героя; она лицо третьестепенное и является исключительно как громово-цензурный отвод. Сцены между нею и мужем — крупны и грубоваты, служат только <для того>, чтобы резче выставить его неискренность и ее добродетель. Да вот еще что, Андрей Александрович, все, что прислано вам, составит 1-ую часть и ни в каком случае не может быть разделено, потому что последующие части так же точно солидного объема. Надеюсь тоже, что вы не сделаете для меня исключения и будете печатать мой роман тем же порядком и шрифтом, каким печатаются повести Лазаревского и последние части «Старого дома».² Это составляет одно из условий, точно так же, чтобы не зачеркивать: (*роман без интриги*); интриги нет, и вам не советую лгать перед публикой. Если пришлете мне на отъезд (как можно скорее) 100 руб. серебром, почту вас самым благонамеренным человеком, который когда-либо существовал на свете. Братя негде, гроша нету, и достать неоткуда. Плохо. Объемистый вид 1-ой части и последующих затем частей ручается вам за то, что вы в скором времени их напечатаете. Не лгу — заставьте за себя молить Бога — треть еще не написана, <засел как раки на мели?> — пришлите денег.

Прощайте, Андрей Александрович, до свидания.

Желаю от всего сердца быть здоровым,
Ваш весь
Григорович

¹ Письмо не сохранилось.

² Лазаревский Василий Матвеевич (1818–1890), Зотов Владимир Рафаилович (1821–1896) — беллетристы, сотрудничавшие с А. А. Краевским и поддержанные им в период «мрачного семилетия». Авантюрный роман В. Р. Зотова «Старый дом» был посвящен приключениям графа Калиостро (Отечественные записки. 1850. № 10–12; 1851. № 1–8); отдельные произведения В. Р. Зотова из цикла его очерков «Мои старые знакомцы» отражали картины из простонародного быта (Отечественные записки. 1851. № 3, 6).

6

23 июля 1851 <года;> Санкт-Петербург

Получил я вчера первую часть вашего романа, Дмитрий Васильевич, и нынче спешу отвечать на ваше письмо. Но, увы! Ответ мой (по одной части) покажется вам не совсем удовлетворителен. Что же делать! Не моя вина. У меня теперь денег всего-навсего 150 р<ублей> сер<ебром>, отрываю треть и посылаю вам 50 р<ублей>. Душевно буду рад, если эта сумма хоть сколько-нибудь облегчит ваше затруднительное положение, о котором пишете.

Что же касается до назначенного вами срока приезда в Петербург, напрасно вы его так надолго откладываете. Роман ваш поступит в цензуру 5-го, 6-го, словом, до 8-го числа. В это-то время, т. е. около 10-го, вам очень бы не мешало повидаться с цензором и посверлить эту упрямую голову. Иначе дело может испортиться непоправимо. Шрифт в романе, разумеется, будет тем же, что и в «Старом доме»; заглавие сохранится вполне, но объем первой части немного пугает меня: вы забываете о 30 листах и о *восьми* отделах журнала. Для отдела Словесности я не могу назначить более 15 листов, т. е. половину книжки. На этих 15 листах нужно напечатать русский роман и два английские: «Копперфильда» и «Пенденниса», которого у меня перебила «Библиотека», как «Копперфильда» перебил «Современник». ¹ Но «Копперфильд» кончится с 10-й книжки, следовательно, в 11-й и 12-й прибавится места на 5 листов. Тогда управимся.

Итак, подумайте да погадайте, да собирайтесь-ка в дорогу пораньше, не останавливайтесь на этот раз в Москве, когда можете зимою съездить хоть 20 раз по железной дороге, имеющей открыться в августе. ²

Ваш
А. Краевский

¹ Перевод романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» печатался в 1851 году в «Современнике», «Отечественных записках» и «Москвитяине»; перевод «Истории Пенденниса» У. Теккерея в 1852-м — в «Отечественных записках», «Современнике» и «Библиотеке для чтения», что вызывало дополнительные трения между редакциями (см. об этом: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 110–144).

² Имеется в виду Николаевская железная дорога, соединившая Москву и Петербург. Дорога была открыта в ноябре 1851 года.

7

1 августа 1851 <года;> с. Дулебино

Вот оно что значит загадывать вперед, почтеннейший Андрей Александрович. Думал, убежден был, что в первых числах августа буду в Петербурге, а на поверку вышло, что вряд ли исполнится это в сентябре. Дело в том, что я решительно боюсь приехать в Петербург с неоконченным романом. Успею ли там дописать его к сроку, это еще Бог весть, вернее просидеть в деревне и довести до вожделенного конца. Тут, по крайней мере, я смогу сказать наверное, что последняя часть начата вовремя

и не причинит никакой путаницы. К тому же хочется отделать ее тщательнее. Конец венчает дело. Скажите же хоть одно слово о том, как действует цензура в отношении к моему детищу?¹ Соображаясь с этими действиями, я буду знать, по крайней мере, как поступать в четвертой части. Малейшие благоприятные известия естественным образом будут способствовать к тому, что 4-я часть будет писаться с большею силою, следовательно, лучше. Прошу вас вторично: если паче чаяния понадобится привести роман в христианскую веру (в чем я, однако ж, не вижу большой надобности), Бога ради, предоставьте всё цензуре; будьте лишь в таком случае восприимчиком у купели, т. е. пройдите потом для смягчения и отглаживания ушибов. Смерть не люблю говорить об условиях, однако ж это необходимо сделать для того, чтобы их знали потом — *a quoi nous en tenir*.² Перед отъездом редакция «Современника» предлагала мне 50 руб. серебром за лист. Настоящий лист «Отечественных записок» не менее листа «Современника», и верно вы согласитесь на те же условия. Прошу вас также, Андрей Александрович, отдать приказание в типографию, чтобы по мере отпечатания моего романа отпечатывали особо лишних 10 экземпляров. Один следует мне уже по праву, за остальные девять я, как водится, заплачу все, что следует, при общем нашем расчете. Чтобы избавить вас от лишнего беспокойства, я написал два слова к фактору типографии; скажите только адрес типографии m-lle Стефановой. Прощайте, почтеннейший Андрей Александрович, будьте здоровы и не забывайте преданного Вам Д. Григоровича.

P. S. Я убавил несколько вторую часть для уравнивания числа листов с другими частями.

¹ Ср.: «Согласно моему обещанию, я постарался обгесать и исправить ее так, чтобы каждая ее строчка входила по возможности плотнее в пазы нашей цензуры. Разумеется, повесть сильно от этого пострадала, да делать было нечего; из двух зол одно: пусть лучше окривеет родное детище, чем вовсе умрет!» (РНБ. Ф. 391. № 300. Л. 543).

² За что мы выступаем (*фр.*).

8

18 августа 1851 <года;> Санкт-Петербург

Вот видите ли, что значит не слушаться добрых советов, Дмитрий Васильевич. Я просил вас приехать к 10 августа для вашей же собственной пользы: вы не послушали — и вышло нехорошо. Цензурный комитет нашел содержание «Проселочных дорог» *сомнительным*, и, не зная ни продолжения, ни окончания романа, повелел цензору не пропускать его до тех пор, пока роман ваш не будет кончен. Если б вы сами были здесь, то могли бы в подробности объяснить председателю, что и как будет, и дело само собою уладилось бы. Теперь вот что вышло: до 10 печатных листов, набранных из первой части, надобно наскоро разобрать, чтоб поспешить набором чего-нибудь другого вместо «Проселочных дорог»; время и труд пропали, а роман остался каким-то заподозренным, как увидите из прилагаемого здесь письма цензора.¹ Пожалуйста, поспешите окончанием романа и привезите его сюда в таком виде, чтоб цензор мог прочесть его в рукописи.² Этот роман ни в коем случае не должен погибнуть, потому что он очень хорош. Я прочел первую часть с истинным наслаждением и заочно поздравляю вас в том, что вы выросли и далеко ушли от всех ваших «Антонов», «Прохожих», «Воскресений» и пр.

Напишите, сделайте одолжение, когда вы приедете. Присутствие ваше здесь *необходимо*, иначе весь труд пропадет ни за грош.

Ваш Краевский

¹ Фрейганг Андрей Иванович (1806–1855) — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета. Письмо, о котором пишет Григорович, не сохранилось.

² Роман начал печататься в 1852 году.

9

24 августа 1851 <года;> с. Дулебино

Почтеннейший Андрей Александрович,

Сделайте барскую милость, постарайтесь выслать мне как можно скорее отгис первой части; роман мой не переписывался, второго экземпляра у меня нет, и первая часть необходима мне для окончания четвертой части. Без этого, чего доброго, хвост и голова могут разбежаться в разные стороны.

Да вот еще что: скажите мне ваше личное мнение о романе. Разругайте меня или похвалите. В первом случае я постараюсь написать лучше конец четвертой части, во втором случае, естественным образом само уж собою будет писаться хорошо. Без этого или другого я пишу, как попало, скучно и невнятно.

Сам я приеду к 10 октябрю наверное, ибо к этому сроку (не позже), должен представить вам 3-ю часть, которая находится теперь в отделке. Не сокращайте первые две части, ибо, соображаясь с вашими словами, я переложил все, что только можно в 3-ю и четвертую, т. е. ноябрь и декабрь. В первых числах октября роман будет кончен, раньше нельзя, требуется много еще поработать, дабы не удариться лицом в грязь. Пожалуйста, вышлите первую часть, как можно поспешнее, в противном случае могу засесть в конце.

Прощайте, напишите мне
слова два, за то скажу вам от души спасибо,
Ваш весь

Д. Григорович

10

17 декабря <1851 года>, пол-5 часа пополудни

Сейчас получил я от Фрейганга 12 форм¹ «Проселочных дорог». Спешу известить вас, чтобы вы не ездили к нему понапрасну.

Ваш Краевский

¹ Вероятно, здесь и далее подразумеваются гранки либо отдельные тетради еще не сшитого книжного блока.

11

25 декабря 1851 <года>

Вот вам последняя форма «Проселочных дорог». Фрейганг болен, не выходит и просил вас побывать у него для того, чтобы взять у него какие-то формы и представить Мусину-Пушкину.¹ Не побываете ли вы у него нынче?

Ваш Краевский

¹ Мусин-Пушкин Михаил Николаевич (1795–1862) — попечитель Петербургского учебного округа, председатель Петербургского цензурного комитета.

28 апреля 1852 <года>; с. Дулебино

Любезнейший Андрей Александрович,

Считаю неременным долгом объявить вам как можно скорее причину, задержавшую так долго высылку рукописи. Вот ровно нет недели как прекращены, и *решиительно* прекращены все сообщения между мною и Москвою. Никто не запомнит, чтобы разлив Оки и других рек был так продолжителен. Лед уже прошел, но дожди и ливни сделали дороги до того непроходимыми, что даже почта остановилась. Я был в отчаянии все это время и, поверьте, не мог не проклинать себя за то, что взял рукопись с собой. Теперь открылась возможность переправить с Зарайска, и я спешу выслать окончание романа. Надеюсь, не опоздаю к сроку: роман выслан во вторник, 29 апреля, следовательно, поступит к вам никак не позже 2-го и 3-го мая. Располагайте окончанием, как вам заблагорассудится, т. е. марайте, сокращайте, черкайте и уничтожайте, но только нельзя ли Бога ради кончить его в июне. Если б знать, что печатание будет так продолжительно, я, конечно, не обещал бы Печаткину,¹ что отдельный выпуск романа начнется четырьмя месяцами позже «Отеч<ественных> Зап<исок>», т. е. в октябре или сентябре. Нельзя ли устроить так, чтобы не пострадал Печаткин, или, лучше сказать, не пострадали бы и вы в отношении к этому джентльмену?² Пишу теперь роман в «Современник» из простонародного быта³ (за что отделал меня так жестоко рецензент «Отечественных записок» за простонародные рассказы?).⁴ Впрочем, в последующих повестях идиллии почти не будет, и надеюсь, он смягчится тогда. После «Современника» сяду за повесть в «Библиотеку для чтения»: не браните, сам знаю, что делаю худо. Ветреность, решительно, во мне неисправима. Обещал, надо держать слово. В промежутках времени набросал несколько эскизов и планов. Мне хочется заняться людьми дна, изображением городских нравов. Для этого я придумал написать ряд небольших статей — листа два, тут будут абрисы разных фигур с Невского и Тверского бульвара, картины чердаков, кабаков и других увеселительных мест, быт гаеров, лакеев без места, нищих, приказчиков. На такое дело я, кажется, способнее, чем на огромные предприятия вроде нескончаемых романов. Что вы скажете? Если мысль моя вам понравится, — скажите, и очерки мои к вашим услугам. Я, конечно, приложу к ним такое же старание, какое прилагал к рассказам из простонародного быта, которых вы так не любите. Сроки не могу назначить, повесть, вероятно, начну и отправлюсь нынешним летом в Крым. При рукописи посылаю вам таблицу истории гравирования, историю составил между делом для Гаевского.⁵ Гаевский придет к вам за нею, я пишу ему. Простите за такое своевольное распоряжение, но я сделал это, во-первых, к тому, чтобы не делать именного номера, во-вторых, чтобы вы уговорили Гаевского написать статью об Эрмитаже. Он и Майков — единственные люди, которые могут это сделать.⁶

Если роман «Просел<очные> дороги» наносит неприятности вам, так же точно, как многим из общих наших знакомых, — обещаю исправить рано или поздно дурное впечатление. Сознаюсь вам чистосердечно, Андрей Александрович, что все сделанное мною до сих пор — самому же кажется довольно слабым, но я все равно уверен, однако ж, что со временем пойдет лучше и лучше. Есть факты, которые доказывают, что раннее развитие наших талантов и дарований не обещает ничего прочного в будущем. Покуда еще не унываю, работаю и тружусь честно и весело.

Прощайте, любезный Андрей Александрович, будьте здоровы и кланяйтесь от меня Лизавете Яковлевне.⁷

Готовый к услугам
Д. Григорович

P. S. Деньги, следующие за остальные части романа, получит Стефанова, я передал ей расписку.

¹ Печаткин Вячеслав Петрович (1819–1898) — книгопродавец и фабрикант, занимавшийся изданием отдельными книгами повестей и романов, напечатанных в толстом журнале.

² Отдельное издание романа, отпечатанного в типографии Штаба военно-учебных заведений, появилось в том же году.

³ Роман «Рыбаки» был опубликован в 1853 году (Современник. 1853. № 3–6, 9). В отличие от «Проселочных дорог» он был тепло встречен журнальной критикой.

⁴ В мартовском номере рецензент «Отечественных записок» упрекал Григоровича за однообразие его произведений: «Действительно, не нужно много времени, чтобы притупить вкус к совершенно однообразным блюдам.... Бедный мужичок, бедная старушка, бедный мальчик, бедная девочка, бедная лошадка, бедный песик, бедная избушка, продранные лаптишки... В самом деле, все эти бедные предметы, если встретишь в одном рассказе, а потом в другом, то в третьем не захочешь и встречать их. А всего досаднее то, что все они плачут, или говорят так, как будто плачут. Плачет и мужичок, мычит и коровка, стонет и песик, грустит и березка, скрипит и сосенка» (Отечественные записки. 1852. № 3. С. 67). Предыдущим произведениям Григоровича («Прохожий», «Мать и дочь») рецензент противопоставлял «Смедовскую долину», отмечая проработку сюжета и сцен, он указывал на мастерство рассказа в описании деталей, в том числе пейзажа. В начале 1853 года этот отзыв повторится: журнал назовет «Смедовскую долину» «маленьким, но прекрасным рассказом» (Отечественные записки. 1853. № 1. С. 19).

⁵ Гаевский Виктор Павлович (1826–1888) — писатель, критик, искусствовед. Апологет «чистого искусства», входивший с И. С. Тургеневым, А. В. Дружининым, В. П. Боткиным и Д. В. Григоровичем в общий круг.

⁶ В 1860-е годы, отказавшись от продолжения литературной деятельности, Григорович публикует путеводитель по Эрмитажу (Прогулка по Эрмитажу. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865).

⁷ Краевская Елизавета Яковлевна (1818–1893) — сестра умершей жены А. А. Краевского Анны Яковлевны, бывшая домашним человеком и воспитывавшая детей Краевского. Упоминается в дневниках А. В. Дружинина в одном кругу с И. С. Тургеневым, С. С. Дудышкиным и Григоровичем.

13

2, 3 мая 1852 <года>, с. Дулебино

Почтеннейший Андрей Александрович,

Получил четвертую часть «Отечественных записок» и пришел в ужас, когда увидел в отделе словесности начало романа Вонлярлярского — три листа,¹ всего три листа — собственного романа. Не лучше ли было бы окончить прежде «Проселочные дороги»? Роман Вонлярлярского, отпечатанный в осенних номерах большим числом листов, без сомнения, сохранил бы тогда большую целостность и, сверх того, стал бы некоторым образом новостью для читателя. Не говорю вам о том неприятном впечатлении, какое испытывает каждый читатель, когда после месячного ожидания получает в журнале короткий отрывок начатой уже вещи. Прочитав в одно утро два-три отрывка из двух-трех романов, начатых в одном и том же журнале, иногородний подписчик в полном праве сказать, что читать нечего.² Иногородний подписчик, сколько я мог заметить, любит или повесть с концом и началом, или роман, но такой только, который бы появлялся большими кушами. Не говорю вам также о том предубеждении, которое существует в нашей журналистике, будто бы летние номера имеют меньшее значение против зимних, могу уверить вас, что появление журнала в конце месяца — событие, что, следовательно, на него также охотно бросаются потом, как на зимние. Деревенская скука, поверьте, нимало не изменяется от времени. Скажу вам теперь два слова о самом себе: я нарочно рассчитывал на окончание романа к июню, чтобы иметь возможность отправиться в июле в Крым. «Проселочные дороги», столкнувшись с Вонлярлярским, протянутся теперь, по всей вероятности, до осени.³ Неужто мне отложить мою поездку? Бога ради, Андрей Александрович, нельзя ли как-нибудь уладить это дело? Дайте мне хоть какой-нибудь ответ по этому поводу. Придет случай, и я, может статься, буду в состоянии оказать вам точно такую же немаловажную услугу.

Прощайте, желаю вам хорошего лета и здоровья,
весь ваш
Григорович

¹ Вонлярлярский Василий Александрович (1814–1853) — писатель, автор значительного количества беллетристических произведений, печатавшихся преимущественно в последние годы его жизни. Повесть «Ночь на 28-е сентября» публиковалась в апрельском и майском номерах журнала (Отечественные записки. 1852. № 4–5).

² Не лишена интереса ссылка Григоровича на мнение иногороднего подписчика. Наряду с воображаемым и наиболее очевидным адресатом — провинциальным читателем, такая номинация прямо или опосредованно отсылает к одному из наиболее известных псевдонимов критика и беллетриста А. В. Дружинина. Нельзя исключать, что роман в английском духе обсуждался Дружининым и Григоровичем, во всяком случае, большинство произведений, опубликованных им в «Библиотеке для чтения», носят скетчевый и фельетонный характер, близкий к «Проселочным дорогам».

³ Печатание романа завершилось в июле 1852 года (Отечественные записки. 1852. № 7).

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-2-166-180

© Н. П. Генералова

«ЭТО ЧЕРТОВСКИ ЗАПУТАННОЕ И НЕПРИЯТНОЕ ДЕЛО» (А. А. ФЕТ И СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА 1860–1861 ГОДОВ)

Истории прижизненных изданий собраний сочинений И. С. Тургенева, начиная с «Повестей и рассказов» 1856 года в трех частях и заканчивая Собранием сочинений в десяти томах, вышедшим в Москве в издательстве наследников братьев Салаевых в 1880 году, можно с уверенностью отнести к наименее изученным вопросам тургеневедения. Между тем эти истории раскрывают многие детали творческой биографии не только самого Тургенева, но и целого ряда лиц из его ближайшего окружения, давая при этом обильный материал для изучения книгопечатания и цензуры, не говоря о том, что они содержат немало сведений о творческой истории отдельных произведений и о работе Тургенева как редактора собственных сочинений.

Собрание сочинений Тургенева в четырех томах, о котором пойдет речь, вышло в Москве в 1860–1861 годах и было к тому времени наиболее полным. В его первый том были включены (в отличие от предыдущего, 1856 года) «Записки охотника», причем только здесь знаменитый цикл был дополнен двумя произведениями, впоследствии исключенными — «Поездкой в Полесье» и очерком «О соловьях».¹ Его

¹ Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные / Изд. Н. А. Основского. М., 1860. Т. 1. Записки охотника (ценз. разр. 30 сентября 1860 года; цензор Н. П. Гиляров-Платонов). В трехтомное собрание 1856 года (право на его издание было доверено Тургеньевым П. В. Анненкову) «Записки охотника» не были включены, поскольку выходили отдельным изданием, право на которое было передано Тургеньевым Н. А. Некрасову. Таким образом писатель оказывал в том числе и материальную поддержку друзьям. В письме к Е. Я. Колбасину от 14 (26) декабря 1856 года он спрашивал по поводу трехтомных «Повестей и рассказов»: «А как идет моя книга? Анненков зашиб копейку — но не останется ли Базунице в накладе?» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 164. Далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: *Тургенев*, с указанием серии, тома и страницы). Известный книгопродавец и издатель А. Ф. Базунов заплатил Анненкову за «Повести и рассказы»: «А как идет моя книга? Анненков, по его словам, «нажил» 2500 рублей, вдобавок «дав нажить Колбасину (Д. Я. Колбасину. — *Н. Г.*) 250 р.» Кроме того, по договоренности с Тургеньевым Анненков выплатил некий «капитал» Ф. П. Волковой, с которой писатель был близок в 1851–1853 годах и которая, по словам Анненкова, «столько же молит Бога за вас, как и за меня» (см. письмо Анненкова к Тургеньеву от 7 (19) ноября 1856 года: *Анненков П. В.* Письма к И. С. Тургеньеву: В 2 кн. / Изд. подг.